

Женщина, у которой и не хочешь, а запоешь

Десять лет назад вокалистка Ирина МУСАЭЛИЯ преподавала в музыкальном институте и параллельно с этим пела в "ленкомовском" хоре. В пору репетиций "Поминальной молитвы" она как-то высказала Марку Захарову свои предложения по поводу музыкального оформления спектакля. С тех пор ни один музыкальный спектакль в "Ленкоме" без нее не обходится.

- Ирина Борисовна, как вы официально называетесь в театре?

- Главный хормейстер, педагог-вокалист и солистка.

- Зарплаты тоже три?

- Одна...

- Говорят, в институте Саша Лазарев числился по пению профнепригодным. А после вашей "переподготовки" стал одним из самых поющих актеров.

- Ну и что? Они все такими были. И Андрей Соколов считался профнепригодным. Сашу Захарову вообще освободили от вокала. Но поет же она в "Фигаро"! Еще и выучилась играть на арфе. Актер, он же сумасшедший человек! Если сказать, что послезавтра ему надо играть спектакль и говорить там по-китайски, он будет говорить. Фантастика какая-то! Застрелите меня, четвертуйте и колесуйте, я не выучусь играть на арфе - это безумие! А актер вдруг играет на арфе и поет - и это человек, который боялся пения больше всего на свете. Когда мы делали "Фигаро", Захаров шептал мне в ужасе: "Что будем делать? Все поют, а главный герой не поет!" Я говорю: "Запоет, Марк Анатольевич!" Он смотрел на меня, как на прожектёршу. А человек этот - Дима Певцов - запел, причем, с наслаждением! Так теперь другое мнение: "В этой роли надо петь, но актер N совершенно не поет - ему слон на ухо наступил. Ничего! К Ирине Борисовне его - запоет!" Понятно, что так просто в жизни далеко не всякий запоет. Но на сцене, в спектакле, в роли, я почти уверена - да, запоет!

- Мистика какая-то...

- Нет! Это они поют... как сказать?.. Актерством своим! Ну, например, я говорю: "Забудь о голосе. Ты мне эту ноту не спой, а сыграй всем своим актерским организмом - глазами, рукой, телом - и она из тебя сама "выскочит"! И она действительно

выскочит раз, два, сто. А на сто первый раз он уже осмыслит, как это его организм делает. И уже не надо будет играть. Как в "Королевских играх" Лазарев берет, черт побери, си-бе-

моль?! Это же - нонсенс: чтобы драматический актер взял си-бемоль! Как мы к этому шли! Я сказала: "Сашенька, мы будем эту ноту играть". И мы ее играли, обходили, чего только не делали... И сейчас он ее поет - как нечего делать! Мое педагогическое сердце просто умирает от счастья!

Как только начинается у нас новый музыкальный спектакль, у меня

нет никакой жизни - вокальные репетиции вечером, ночью, утром... В гостинице, в купе вагона, дома. У меня появляется новый член семьи! И все домашние знают: это - святое! Готовится роль!..

Сейчас вот готовим "Мертвые души", где будет очень много музыки. Меня ужас охватывает, но и очень интересно - там поют все. Страшно интересно работать с Захаровым. Его любимая присказка: "Ну, я в музыке-то ничего не понимаю..." При этом у него к музыке какое-то даже не шестое - восьмое или девятое чувство. Это очень интересная штука: он - не оперный режиссер, а его актеры - не оперные певцы, а вместе с тем у них какое-то общее девятое чувство!

- Ваши ученики поют теперь всегда и везде: в гримерных, в коридорах, идя на сцену, по дороге в буфет...

- А им это нравится! И еще мы заметили - "поющие" стали лучше говорить на сцене. Часто же актерская беда - плохая дикция. А у этих - большая полетность звука. Потихоньку происходит постановка речи: Если ему нужно кричать - мы ставим этот крик. Он меньше устает за спектакль чем тот, который не поет. Ему легче! У человека появляется еще один инструмент для самовыражения.

Марина МУРЗИНА

